

ДЕЙСТВИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДЕЯНИЕ: ОТ НАТУРАЛИЗМА К ВЫСШИМ ЦЕННОСТЯМ.

В.М. Фигуровская

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

philos@nsaem.ru

В статье речь идет о том, что человеческое поведение всегда детерминировано наличием таких регуляторов, как воля и ценностные установки. Воля выступает в качестве условия проявления активности в деятельности, а ценностные установки определяют направления этой активности. Свободная субъективная воля, соединенная с осознанием и принятием высших духовных ценностей, порождает деяние как высший акт человеческой деятельности.

Ключевые слова: культура, ценности, действие, деятельность, деяние, воля, человеческое поведение.

Культура – это мир, заполненный вещами, отношениями и смыслами, мир человеческой жизни, в котором индивид становится собственно человеком.

Природа – это мир вещей, тел, в их самодвижении, детерминированном объективными отношениями непосредственно или опосредованно, подчиняющийся законам и существующий вне человеческих целей.

Смыслы – идеальные значения сущности и явления, способ интерпретации перехода от «вещи в себе» к «вещи для нас».

Деятельность – способ соединения мира вещей с миром идей, процесс выстраивания человеческого космоса, в котором индивидуально мыслящее сознание «встраивается» в абсурдно чуждый ему внешний мир вещей (другой человек – тоже вещь, тело, пока не обнаружен социальный способ коммуникации) и одновременно становится собственно мыслящим сознанием.

Этот процесс включает три момента:

1) действие как внешнее проявление человеческого отношения к миру, некий конкретный поведенческий акт;

2) мотивация действия, т.е. осознание необходимости подобного поведения, как проявление самосознания и рефлексии, понимание ситуации «свободы – ответственности», рациональное описание последующих событий;

3) обоснование действия «для другого», объяснение собственной мотивации с целью установления понимания со стороны другого субъекта, иной личности.

В первом моменте действие имеет двойственную природу: оно может быть сугубо рефлекторным, не подготовленным сознанием. К примеру, мы прихлопываем присосавшегося комара, не выстраивая заранее собственную мотивацию. В этом случае не следует вести речь ни о какой человеческой деятельности, ибо здесь человек проявляет свою животную сущность и ничем не

отличается от лошади, пытающейся с помощью хвоста отогнать кровососущих насекомых.

Однако такое же действие в культурном контексте приобретает иное значение. Например, с точки зрения буддизма, всякое убийство живого создания есть преступление, поскольку любое создание в прошлой жизни (идея «перевоплощения») могло быть человеком. Воспитанный в этой культуре человек по-другому контролирует свои поступки. При этом совсем не обязательно, чтобы его поведение в отношении таких событий рационально и последовательно анализировалась им самим.

Другой тип действий связан с человеческой деятельностью, в рамках которой совершается общественная жизнь. Речь идет о том, что культура рассматривается как искусственная сфера, созданная в процессе разворачивания человеческой истории. Люди, удовлетворяя свои потребности, осознавая свои интересы, мотивы, цели, преобразуют природу и одновременно вырабатывают идеалы, ценности, нормы и правила человеческого общежития.

Сначала нас интересуют те правила, опираясь на которые, субъект творит «вещный» мир культуры. В таком случае мы обсуждаем материальное производство, его исторические способы и производственную культуру. Тогда действия, которые производит работник, должны быть достаточно жестко регламентированы.

Это предполагает необходимость научения этим действиям и объяснение их смыслов. Чем понятнее и доступнее объяснение, тем эффективнее действие и тем свободнее чувствует себя субъект в рамках установленных правил (правда, при условии, что у него не возникает явного понимания по тем или иным причинам им подчиняться).

Такие действия «по правилам» и означают первый этап соединения вещей и смыслов, т.е. деятельности человека как осознанной, культурной и социально значимой.

Однако такая деятельность «заземлена» самой материально-предметной сферой бытия, в которой далеко не каждый мыслящий субъект пытается найти собственные смыслы своего существования, своей индивидуальности и «самости», встать «над» бытием, проникнуть в скрытые метафизические первоначала. Он живет как общественное животное, принимая мир таким, каков он ему дан, соблюдая закон и моральные нормы в качестве естественных регуляторов его собственного существования.

Не пытаясь как-либо оценить такое поведение, мы всего лишь констатируем наличие этой ситуации, которая помогает индивиду гармонизировать свои отношения с миром и самим собой. Наверное, о таком писал В.В. Маяковский: «Единица – вздор, единица – ноль. Голос единицы – тоньше писка. Его услышит разве жена, и то, если не на базаре, а близко».

Но возможно иное отношение. У А.С. Пушкина: «Мы почитаем всех нулями, а единицами – себя». Самоуважение – это то же самосознание? Или отношение с другими?

Что нужно для того, чтобы возникло самосознание, самоидентификация, гармоничное или критическое восприятие мира и своего места в нем?

Обсуждая этот вопрос, трудно удержаться в рамках какой-либо одной философской традиции, тем более, что сама привычная классификация «по решению основного вопроса философии» уже кажется устаревшей. Мы должны отдавать себе отчет в том, что в конечном счете первичность – вторичность материи или

сознания есть предмет веры, а не знания. Да и определение в форме логической процедуры не проясняет сути дела. Если в духе диалектического материализма обратиться к определению материи, предложенному В.И. Лениным, то выясняется, что это определение – некая философская увертка, операционально значимая для проведения последовательной материалистической концепции. «Материя – это философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». В гносеологическом аспекте вторичность сознания здесь не проясняется, поскольку, как теперь известно, сознание не сводится к ощущениям, а сами ощущения присущи любым живым организмам. Поэтому определение, которое долгое время считалось классическим, является скорее некоторой метафорой, а не результатом рационально-логического анализа и синтеза.

С другой стороны, через это определение объясняется причина формирования человеческого сознания как процесса и результата отражения материальной действительности, становящегося особым свойством мыслящего субъекта, вовлеченного в целеполагающую человеческую деятельность. Но в таком случае невозможно понять природу творчества, когда именно в человеческом воображении впервые появляются образы новой, еще не существующей действительности.

Приходится констатировать по крайней мере две необъяснимых трудности. Первая связана с тем, что первичность и вторичность лишь задается через определение, т.е. логически, но не верифицируется онтологически. Сказать, что материя как объектив-

ная реальность существует извечно, означает то же, что сказать о существовании Бога. Это вопрос веры. Вторая трудность связана с тем, что при таком определении необходимо признать наличие всеобщих атрибутов бытия материи, таких, как движение, пространство и время, а движение, в свою очередь, связать с активностью как изначальной устремленностью к изменениям, но вопрос об их природе, источниках, первоначалах также относится к сугубо субъективной позиции веры.

В последние десятилетия в постмарксистской философии все чаще поднимаются проблемы веры и знания и условности их демаркации. Понятно, что вера вере – рознь. Безоглядная вера, фетишизация символа веры – это вера религиозная, и здесь мы ее не обсуждаем, но принимаем как данность, хотя не имеем возможности указания на предметы и действия, в которых эта вера реализуется. Скажем, «пояс шахида» и связанные с этим поступки часто есть выражение не святости веры, а куда более земных чувств, чаще не добродетельных: скажем, мести или наркотического одурманивания.

Не касаемся в данной статье мы также вопроса о вере в научном познании, связанной с авторитетом Учителя, уверенностью в правильности выбранного пути, используемых методов познания и т.д.

Нам представляется важным подойти к этой проблеме с иной стороны. Если принять в качестве некоей аксиомы, что человеческая личность, душа, внутренний индивидуальный мир субъекта включает, по крайней мере, три компонента: чувства, мысли и волю, то можно утверждать следующее: именно вера становится условием свершения действия, поступка, имманентного «Я» за пределы индивидуального бытия.

Теперь необходимо установить, где же помещается вера и каковы ее истоки. Действие есть проявление воли. Воля, воление – условие проявления собственно человеческой активности. Если у животного его поведение есть проявление его естественной природы и его действия одновременно с чувствами, а способы действия в первую очередь зафиксированы в генетических программах и лишь в малом объеме являются содержанием его индивидуального опыта (выживания в меняющихся природных условиях, дрессировка, жизнь с людьми), то в жизни человека инстинкты присутствуют, конечно, и непосредственные чувства, переживания, аффекты также составляют важную сторону жизни, однако собственно человеческими они становятся лишь тогда, когда осмысленны. Едва ли собака придет в восторг от того, что будет на глазах избит или убит ее хозяин. А человек часто испытывает бурную радость в случае, когда убивают другого человека. Но эту радость он может продемонстрировать в разных формах не только эмоционально (хот, потирание рук, громкие возгласы), но и рационально аргументировать необходимость этого события. С другой стороны, он может скрыть свои эмоции и даже «для других» его осудить, т.е. продемонстрировать полное несовпадение внутреннего одобрения и внешнего действия.

На этом основании, пожалуй, можно сделать вывод о том, что человеческим поведением руководит воля, в то время как психика животного лишена этого компонента. Так в какой же «шишковидной железе» она находится? И откуда она туда попала? Очевидно, теперь нужно обратиться к тому, что принято называть деятельностью и чем последняя отличается от жизнедеятельности животных.

Под жизнедеятельностью обычно понимается непосредственный обмен организма с окружающей средой энергией и веществом. Для удовлетворения своих непосредственных потребностей животные нуждаются в пище, солнечном свете, воздухе (не только в кислороде). Можно, конечно, под эти же условия существования подвести и мир растений, и тогда потребуется уточнить определение жизни, живого организма, но мы не беремся за решение этой задачи. Для собственных целей нам достаточно указать на то, что условия своего существования животное получает непосредственно, являясь органической частью природы. При этом для удовлетворения потребностей животному приходится совершать действия, которые представляют собой единство ощущений (голода, жажды, усталости) и поведенческих актов (охота, хождение на водопой, отход ко сну).

Человеческая деятельность представляет собой субстанцию социальности, первопричину выделения общества из природы. Это связано с необходимостью создать для себя искусственные условия для удовлетворения первейших жизненных потребностей в одежде, пище, жилище. Что явилось толчком к этой форме бытия? Вряд ли возможно ответить строго научно на этот вопрос. Можно объяснить это тем, что «обезьяна взяла в руку палку» (правда, тогда у нее еще не было руки), или из Космоса на Землю занесены «семена жизни и разума», или Бог создал человека с душой и разумом, но важно подчеркнуть, что главное, что отличает человеческую жизнь от животного существования, – это именно создание искусственной среды обитания, выделение из природы и потребность осмысления проблем бытия и своего собственного пребывания в этом мире.

Гегель, обращаясь к проблеме понимания человеческого в человеке, исходит из того, что необходимо «снять» в человеческом существовании животную (природную) сторону, и условием такого «снятия» является труд. «Труд есть заторможенное вожеление, задержанное (aufgehaltenes) исчезновение; другими словами, он образует»¹.

Это следует понимать таким образом, что в труде, посредством труда формируется воля, обеспечивающая временной разрыв между чувством, потребностью и действием, направленным на ее удовлетворение. Между фактом физического желания, например, ощущения голода и его внешне-го проявления (пойти на охоту, в магазин, к холодильнику) выстраивается цепочка действий. При этом может оказаться, что чувство лени вообще может сильно затянуть начало действий, а человек, сидящий на диете, в состоянии силой воли преодолеть чувство голода.

Можно предположить, что воля есть сугубо человеческое отношение «Я» к собственному бытию и под его контролем находятся мир чувств и содержание рацио. Воля не есть дополнение к тому или другому, она их пронизывает, являясь «спусковым» крючком» и определяя момент наступления действия. Именно наличие воли делает возможной саму деятельность. Последняя складывается из действий как актов, фактов активности субъекта, включенных в определенную систему взаимодействия, определенную предметом совместной деятельности.

В этом отношении, очевидно, можно говорить о том, что действия в потоке деятельности есть проявления социального

качества. Они осознаны в том смысле, что в них цель действия предшествует его осуществлению, а способ достижения цели может быть более или менее сознательно выбран действующим субъектом. Действие – непосредственный акт деятельности, который может быть зафиксирован в пространственно-временных координатах. Оно может быть описано как элемент некой ситуации, получает объяснение через призму обыденных, научных, нравственных критериев. И при этом всякое описание и объяснение становятся возможными лишь при условии адекватного понимания происходящего или наличия веры в том, что такое понимание существует или возможно. Это означает, в свою очередь, что в деятельности как всеобщем способе человеческого (социального) бытия присутствует (наличествует) сущность, отличная от отдельных актов (действий), не имеющих непосредственного отношения ко всеобщему. Сама же отдельность, отделенность действий, их атомарность, выступая как проявление всеобщности, тесно связана с дуализмом человеческой природы как единством тела и души, аффектов и рацио, причем степень вовлеченности того или другого может существенно различаться в зависимости от конкретного их носителя или ситуации. В целом шкала градации ограничена, с одной стороны, низменными натуралистическими побуждениями и выбранными средствами удовлетворения потребностей, а с другой, – абсолютными нравственными критериями и высшими ценностями. По месту на этой шкале можно судить о характере деятельности субъекта, об уровне развития культуры общества и отдельного человека, о наличии, оформленности и осознанности идеалов бытия.

¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1994. – С. 105.

Гегель подчеркивал, что труд как конкретная форма деятельности есть источник, из которого вырастает «живой нравственный мир» и свобода как подлинно человеческое бытие.

С.Н. Мареев говорит о необходимости различать идеальные человеческие чувства и материальные животные чувства².

Он пишет: «Никакой аффект у животного не проявляется иначе, как в напряжении мышц, повышенной активности внутренних органов, выделении адреналина в кровь, повышении сахара в крови и т.д. Это так же, как спортсмен при подготовке, допустим, к прыжку «разминается», разогревает мышцы, мобилизует внутренние ресурсы и т.д.»³. Конечно, телесная реакция на какое-то воздействие есть следствие отношения живого тела к окружающей среде. Но по собственному опыту обращения с собаками могу утверждать, что они испытывают любовь, симпатию или антипатию (в том числе злобу и даже ненависть) вовсе не по схеме акад. Павлова. Но это так, к слову. Что же касается собственно организменного (или натуралистического) поведения, представленного в действиях человека, можно согласиться с С.Н. Мареевым, когда он говорит о том, что «человеческие чувства имеют человеческую этиологию, хотя... все проявления, так сказать, физиологии чувств налицо»⁴. Ссылаясь на Аристотеля, высказавшего мысль о том, что гнев есть «кипение крови, окружающей сердце, и стремление к отмщению»⁵, С. Мареев утверждает, что между этими двумя модулями отсутствует причинно-следственная

связь. «Кипение крови» не причина гнева и не его следствие: гнев представлен в «кипении крови». Один и тот же телесный орган, а именно сердце, является и органом кровообращения, т.е. физиологическим органом, и органом, в котором представлена такая «страсть», как гнев. Это так же, как одними и теми же глазами я вижу форму предмета и красоту этой формы. Никаких других органов чувств, кроме известных телесных органов, у человека нет. Вот это решение дается ... методологией идеального Ильенкова»⁶.

Но именно с этим утверждением уже соглашаться не хочется. В самом деле, чувство гнева и осознанное стремление к отмщению – это не только разные модусы психического, но они имеют разные источники: гнев человека (или злость животного) могут вызвать одинаковые телесные реакции, но их проявление реализуется принципиально по-разному. Обозленное животное немедленно набрасывается на своего обидчика (и потом очень редко помнит обиду), а разгневанный человек должен осознать источник, причину своего гнева, обозначить предмет и средства своего отмщения или – преодолеть гнев. Органом такого осознания является не сердце, а голова с ее двумя полушариями коры головного мозга, но не как телесный орган, а как «вместилище» социального опыта.

Однако применительно к той шкале деятельности, о которой речь шла выше, чем более непосредственно человек реагирует на происходящее, тем более натуралистический характер носят его действия. Когда же речь идет о высших нравственных установках, стремления к их реализации, устремленность к их идеалам, осознание цели и смысла жизни в приоритете духов-

² Мареев С.Н. От Канта и Кассирера к Ильенкову: проблема идеальности человеческих чувств // Вопросы философии, 2009. – № 9. – С. 142–152.

³ Там же, с. 143.

⁴ Там же, с. 147.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ных ценностей выражаются уже не просто в действиях, но в деяниях. Отрешенность от личной выгоды, желание служить Абсолюту – Богу, Истине, Добру, Благу, Красоте – становится побудительным мотивом к свершению деяния. Праведники, люди «не от мира сего» запоминаются не конкретными поступками, хотя, несомненно, их совершают. Но эти поступки обретают в глазах очевидцев или потомков особый символический смысл и воспринимаются как прорыв из повседневности к горным высотам, иному лучшему миру. В деянии совершающий его забывает о своем собственном «Я»; он его не оценивает, для него такое поведение так же естественно, как дыхание. Деяние не есть единовременный порыв, единичный временной акт. Это длящаяся во времени, состоящая из поступков (или отхода от них, недеяния) жизнь во имя иного – всеобщего Блага. Поэтому деяния обрастают мифами, а совершающий деяние предстает как цельная личность, которая, по мысли поэта, сама «пораженье от победы не смеет отличать». В жизни истинного нравственного человека чувства и мысли органически слиты, не разнесены во времени. Не холодная рефлексия, следствием которой становится САМО-идентификация, самосознание, сомнение, но живая двусторонность личного бытия, органическая неразрывность чувств, мыслей и поступков, детерминированная категорическим императивом, есть основание деяния. В «Философии символических форм» Э. Кассирер назвал такое состояние экспрессией: «В ней нет разрыва между явленным «как просто чувственное» существованием и опосредованно данным духовно-душевым смыслом. По самой своей сущности экспрессия явлена как внешнее, но само пребывает внутри.

Здесь нет скорлупы и ядра, ни «первого» и «второго», ни «одного» и «другого»⁷.

Этот конкретный синтез телесного и душевного представлен в деянии, выражается как деяние, хотя может быть зафиксирован окружающими как определенный поступок, совершённое действие.

Однако в дальнейшем, если этот поступок произведет на других людей особое запоминающееся впечатление, общественная молва или социальные институты начинают выстраивать на этой почве мифы, поступок обрастает символическими смыслами, включается в сконструированную человеческим воображением систему связей простого и сложного, в нем ищется метафорическая, т.е. не явленная до этого момента сущность. Следовательно, деяние как бы «высвечивает», вырывает из мира возможного, потенцирует высшие ценности в форме конкретных актов деятельности, субъектом которой является человек, живущий по осознанным (или интуитивно понятным и интимно ему принадлежащим) высшим законам Бытия.

Деяние невозможно по принуждению, оно всегда есть свободное проявление «Я» как единства конечного и бесконечного, конкретной человеческой личности и ее мировой связи с Космосом (Богом, Природой, социумом). Свобода не реализуется как конечная оформленная система, но она всегда есть становление, поиск возможностей. Как писал Ф. Шлегель, «Мир – это не система, а история, из которой позднее могут вытекать и законы»⁸.

Поэтому только духовные существа (у Шлегеля – это некие «двойники» людей,

⁷ Кассирер Э. Философия символических форм. – М. – СПб.: Университетская книга, 2002. – Т. 3. – С. 21.

⁸ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. – М.: Искусство, 1983. – С. 183.

пребывающие в ином мире) принадлежат к идеальному миру высших ценностей, и проблемы их содержательной деятельности обнаруживаются в мысли: «Мысль – это одновременно деяние, и воля, и свершение, нечто одно»⁹. Однако человек – это существо тройственное, поскольку в нем соединены дух, душа и тело¹⁰. Поэтому нам представляется, что деяние предстает как высшее соединение души (индивидуальное идеальное «Я»), духа (осознание и прочувствование своей индивидуальной связи с миром) и действия (реального видимого для других и воспринимаемого другими акта деятельности).

В конце своих размышлений я хотела бы обратить внимание на следующее. Как ни странно, в научных и философских энциклопедиях и справочниках мне не удалось найти определение деяния. Только в юридической литературе это понятие получило формальное определение, но с негативной стороны, прежде всего как деяние преступное: «Деяние преступное – акт антисоциального, отклоняющийся от нормы человеческого поведения, посягающий на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Деяние преступное должно представлять собой единство физического и психического, т.е. осознанный акт человеческого поведения, выраженного

в подконтрольном сознанию, мотивированном действии или бездействии»¹¹.

Не ставя своей задачей как-то исследовать или даже просто комментировать это определение, считаю важным отметить то обстоятельство, что очень часто значение понятий, используемых в разных сферах знания, приходится постоянно уточнять, расширяя или сужая поле дискурса. Поэтому те смыслы, которые вкладываются в понятие «деяние» в данной статье, являются не ограниченными рамками формально-логических определений, но позволяют говорить о категориальном статусе этого понятия.

Литература

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1994. – 444 с.

Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т.: т. 3. – М. – СПб.: Университетская книга, 2002. – 398 с.

Марево С.Н. От Канта и Кассирера к Ильенкову: проблема идеальности человеческих чувств // Вопросы философии, 2009. – № 9. – С. 142–152.

Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2 т.: т. 2: пер. с нем. – М.: Искусство, 1983. – 447 с.

Юридический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 415 с.

⁹ Там же, с. 341.

¹⁰ Там же, с. 342.

¹¹ Юридический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – С. 84.